

Мазынский В
реже

1984

Трибуна художника

ЧТО МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЗРИТЕЛЮ?

Спектакль может вызвать разные, порой противоречивые мнения, но состоялся он или нет — об этом можно судить лишь по тому, как на него ходят зрители. Каков он, сегодняшний зритель, и чего он хочет от театра?

ЧАСТО с известной долей самоуверенности мы говорим: нашему зрителю нужно то-то и то-то, наш зритель хочет, наш зритель ждет... Но беда-то вся в том, что зрителя мы чаще всего не знаем или знаем очень приблизительно. Нам проще теоретизировать по этому поводу, нежели делать конкретные, практические шаги для изучения того, кто и зачем приходит в наш театр, кто и почему не приходит.

Жизнь областного театра, и это знает каждый, сложна еще и тем, что он постоянно озабочен, как привлечь зрителя в зал. Проблема своей аудитории, своего зрителя для нас проблема номер один. Сами условия существования побуждают нас идти на поиск способов налаживания контактов: зритель — театр. И поскольку научно обоснованной методологией мы не располагаем, то идем «экспериментальным путем». Так были введены у нас в школах уроки эстетики на базе театра. Появился и университет театрального искусства. Может быть, не все там соответствует «университетским нормам», но польза его несомненна — обсуждение спектаклей, рассказы о театре, общение аудитории с актерами, режиссерами, художниками дают положительный результат. Мы отчетливее представляем свои успехи и свои промахи, пытаемся корректировать свою репертурную практику. В итоге спектакли, которыми коллектив имеет основание гордиться, обрели долголетие: «Власть тьмы» Л. Толстого прожил на нашей сцене десять лет, «Симон-музыкант» Якуба Коласа — восемь, «Клеменс» К. Сап живет шестой год. Думаю, что это неплохо для города, население которого немногим более 300 тысяч. Знаменательно то, что на эти спектакли приходят по два-три раза. Мы этих зрителей знаем, и они для нас самые дорогие.

Сегодня мы думаем о том, в каком направлении улучшить, усовершенствовать деятельность университета театрального искусства и уроков эстетики. Мы пытаемся, например, приобщить зрителя к классической музыке. На вечерах, когда проводятся занятия университета или уроки эстетики, в фойе устраиваются концерты камерного оркестра, которые предваряются рассказом о композиторе, произведения которого исполняются в этот вечер. И мы ощущаем, как меняется «настрой» зала после таких концертов.

В Витебске нет ни детского, ни кукольного театра. В нашем зале детвора гость частый, можно сказать, постоянный. И думать о наших детях мы обязаны ежедневно. Но имеем ли мы сегодня возможность делать полноценные спектакли, адресованные юным зрителям? Думаю, что нет. Тот единственный в сезоне спектакль, который мы ставим для детей, — это в любом случае компромисс, тогда как постановками для детей надо заниматься серьезно, а значит, постоянно, ежедневно. Я думаю, что мы смогли бы на своей базе создать кукольную труппу со своим режиссером и художником. Необходимо чаще ставить спектакли, адресованные подросткам, на малой сцене. Вот такой «многоплановости» требует от нас сама жизнь.

ОДНИМ словом, планы у нас обширные, и хотелось бы, чтобы они свершились. Но для этого необходимо иметь репертуар, иметь полноценную драматургию. Думаю, что

без «своих» драматургов, без пьес, отвечающих характеру, творческому облику коллектива, существование любого театра просто невозможно. Рубен Агамирзян в своих заметках о репертуаре поведал о системе, с помощью которой они в своем театре избавляются от неудобной им пьесы. Мы озабочены иным: как привлечь автора в театр. Наши театральные, да не только театральные, писатели не могут пожаловаться на невнимание со стороны «колосовцев». Внимание к национальной драматургии всегда было в традиции театра, на сцене которого родилось немало ярких драматургов. Эту традицию мы стремимся продолжать. Достаточно сказать, и в этом могли убедиться московские зрители во время летних гастролей, что большую часть афиши составляют пьесы, принадлежащие перу современных белорусских авторов. За этим немалый труд и большой поиск. При этом в большинстве своем это открытие нового имени, новой пьесы. Назову среди них пьесы Владимира Короткевича, а также Евгения Шабана, Елены Поповой. Мы первыми в республике поставили «Порог» и «Вечер» Алексея Дударева и с увлечением работаем над его «Рядовыми». На нашей сцене шли пьесы Анатолия Делендика, Александра Петрашкевича, Ивана Шамякина, Андрея Макаенка, Николая Матуковского.

Я не понимаю, скажем, что означает требование — работать с драматургом. Не с драматургом надо работать. Он сделает свою работу сам. С пьесой надо работать. Нельзя за автора «дотягивать» проблему, конфликт, а тем более подсказывать ему, чем он должен быть обеспокоен, озадачен.

Мы ждем писателя, который может вывести на сцену полнокровного героя, а не подобие его. Мы ждем в театр писателей В. Козько, А. Жука, А. Кудравца, А. Козловича. Мы ожидаем поэтов Р. Бородулина, Г. Буравкина и многих других.

Видимо, я размышляю. Но счастлив тем, что такие писатели есть, живут, пишут. И надеюсь, что они в конце концов придут в театр. И не все у нас сразу может получиться. Ведь драматургия — это особый жанр. И писателям перейти от прозы к драматургии совсем непросто.

Но мы порой закрываем глаза на художественную худосочность пьесы, написанной драматургом. Как, например, произошло у нас совсем недавно. Драматург, достаточно маститый, предложил нам пьесу о селе. Пьеса сделана профессионально, и, казалось, было в ней нечто привлекательное. Начали работать, но вскоре поняли, что материал привлекает лишь темой, а души живой, жизни подлинной в нем нет. Мучились актеры, постановочная часть. А получился эдакий уродец, недолго продержавшийся на сцене.

Компромисс допустим — да и то не вполне в этом уверен — лишь в случае, когда в театр приходит молодой автор, явно талантливый, но не владеющий еще ремеслом. Дать путевку в жизнь первому, еще несовершенному творению в расчете на будущее — дело благородное. Хотя правильно было бы, как мне кажется, вести подобную работу в лаборатории театра. К сожалению, мы не имеем такой возможности. Ведь театр — это производство со своим планом, со своими финансами. А хотелось бы, что-

бы такая возможность у нас все-таки была. Хочу сослаться в данном случае на положение, высказанное К. У. Черненко в речи на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР: «Произведения, в которых оригинальная, свежая мысль подменяется, как язвительно замечал Щедрин, «хладным пережевыванием азбучных истин», лишь в насмешку можно назвать художественными. Плохо написанные книги и оперы, примитивно снятые теле- и кинофильмы, альпавато сработанные скульптуры и картины не просто портят вкус миллионов людей. Они дискредитируют темы и идеи, за которые берутся их создатели».

Убежден, только в полнокровной, современной драматургии может воспитываться современный актер, которому не будут безразличны проблемы нашего времени, которому не грозит нравственный инфантилизм. Думается, что лишь через горнило современной пьесы может молодой актер подойти к классике и наполнить ее духом сегодняшнего дня.

СКОЛЬКО бы мы ни спорили об образе положительного героя, остается немаловажной истина: потребность в положительном герое, высоком идеале у зрителей велика. Это знает каждый, кто работает в театре.

Какой герой нужен сегодня? Мне кажется, на смену герою, а вернее, антигерою, наконец-то должен выйти герой цельный, действующий, понимающий, что жизнь-то по существу ему отпущена не такая уж длинная. Но это его жизнь. А всегда ли современный драматург может удовлетворить эту жажду в примере для подражания? Вот перечитываю пьесы, написанные в последнее время способными авторами. И что же? Снова самоуспокоение, рефлексия, ущербность. Авторы в большинстве своем не поднимаются над фактом, над бытописанием. В этих пьесах мало жизни, радости. И они не могут родить катарсиса, ради которого и живет театр.

Сейчас мы идем к священной для каждого из нас дате — 40-й годовщине Великой Победы над фашистской Германией. И это обязывает нас с особым вниманием, с особым душевным трепетом вновь и вновь обращаться к тем героическим истокам, которые питали эту историческую Победу. Главным был наш советский человек. Его вера, его неисчерпаемые терпение и воля. Таких людей вывел в своей новой пьесе «Рядовые» А. Дударев. Знаю, высказывают удивление, как это, мол, человек, не переживший войну, тридцатилетний, смог написать такую пронзительную правду о ней. Думаю, не надо этому удивляться.

Каждая пядь нашей земли хранит память об этой самой страшной и самой праведной для нашего народа войне. Эта память передается нам от отцов и матерей наших. Она неотделима от жизни. И мы тоже хотим и, думаю, имеем право сказать свое слово об этой «народной, священной войне». Пьеса А. Дударева трагична. Но я понимаю ее как оптимистическую трагедию о несломленности человеческого духа. Вспоминаю, как после прочтения «Рядовых» у меня было чувство какой-то высоты, внутреннего очищения. Я мечтаю, и буду самым счастливым человеком, если после спектакля зритель будет жить этими моими чувствами.

В. МАЗЫНСКИЙ,
главный режиссер
Белорусского
академического театра
имени Якуба Коласа.

ВИТЕБСК.

Витебский театр
им. Я. Коласа

13.06.1984

324